

С раннего детства Мишка был бедой всей деревни. Страдали от его проделок чуть ли не в каждом дворе. То в огород залезет к соседям, то на крыльце нагадит, а однажды чуть всю деревню не спалил. Бедокур был страшный. Его отец сгинул где-то в тайге, не вернулся с промысла. Искали всем промхозом, с милицией,— бесполезно. Как в воду канул. Да и немудрено. На севере Иркутской области ещё есть места, где можно пропасть бесследно. А охотничий участок Мишкиного отца был самый дальний в промхозе. На границе с Якутией. Вот и жил Мишка без отца с раннего детства. Было у него ещё две сестры и брат на два года постарше. Но, как говорится, в семье не без урода. Таким «уродом» и оказался сам Мишка. Мать совсем извелась со своим бедокуром. И так крутилась как могла, чтобы сводить концы с концами. Без мужика в деревне не проживёшь. А тут ещё и соседи жалуются каждый день на её непутёвого сына.

Когда Мишка подросток, ещё больше застонала вся деревня. Ну никакой управы на него не стало. Да и к самогону он рано приистрастился, дружков завёл себе под стать. Но тех скоро в армию забрали, а Мишка оказался «бракованным».

Так что последняя надежда на его перевоспитание рухнула. Все считали, что только армия может сделать из Мишки человека. Это была последняя инстанция. Оставалась ещё только тюрьма, которая по нему безутешно плакала, как говорили все соседи. К этому всё и шло, но случилась история, после которой Мишкина жизнь превратилась в крошечный ад и тюрьма показалась бы ему просто раем.

К октябрю уже все штатные охотники промхоза забросились в тайгу на свои участки. Кто-то вертолётном, кто по реке на лодках, а дед Тольки Ощепкова — по старинке на вьючной лошади. Благо участок у него находился недалеко от деревни. Всего-то тридцать километров. По натопанной десятилетиями, похожей на прорытую во мху глубокую канаву конной тропе дед вместе с четырнадцатилетним Толькой завёз в избушку продукты. Переночевали, а утром внук верхом на лошади, с одностовкой за плечами, налегке, отправился в деревню. Конная тропа очищена от упавших деревьев, и путь оказался в удовольствие. Мимоходом добыл с десятка рябчиков, а вот глухаря Толька прозевал, о чём сильно переживал и костерил самого себя последними словами до самой деревни.

Наступила зима. В середине ноября дед всегда на лыжах приходил «на побывку». Снимал с натруженных плеч понягу, и Толька доставал добытых дедом глухарей и приличную связку соболиных и беличьих шкурок. Встряхивал каждую из них и, надув щёки, дул вдоль тёмной спинки, любуясь переливами чудесного меха. Мать тоже участвовала в этой процедуре. Улыбалась, качала головой и приговаривала.

— Вот, сынок, — обратилась она к Тольке, — дедушка-то наш вишь какой добытчик! А ему почитай через пару годов восемьдесят лет стукнет. А он всё на лыжах, всё на лыжах! Ай да молодец, старый!

Толька очень любил своего деда — пожалуй, не меньше, чем отца. Его он видел редко, да и сейчас отец опять в тайге аж до февраля месяца. Забросили его на «вертушке» и заберут с участка на ней же. Оттуда, с дальних угодий, на побывку на лыжах не придёшь. Шутка ли — двести километров, да горы, да реки, и тропы-то туда нет, не то что дороги. По радиации Толька и общается с отцом, да и то редко.

Через неделю, отдохнув как следует в домашних условиях, дед засобирався в тайгу.

— Пойду я, однако,— обратился он к домочадцам,— засиделся я тут с вами, да и лыжню пока не замело, пурги-то не было.

Он пыхнул трубкой, погладил кота, сидевшего у него на коленях, и решительно добавил:

— Пойду я с утраца. По лыжне ходко добреду до избушки, не затемняю. Ишшо и капканья ближние успею проверить.

Утром, потемну, дед ушёл. Тольке было слышно спросонок, как повизгивала на улице собака и скрипел под броднями деда снег.

Прошёл месяц. Наступили крепкие морозы. Несколько дней стояло на улице за пятьдесят. Потом потеплело, пошёл снег. Вечером мать, собиравшая ужин, с беспокойством спросила как будто сама у себя:

— Как там дедушка-то наш? Не случилось бы чего,— и, уже обратившись к сыну, добавила: — Натолый, сходил бы ты к старому, проведал. В школе-то отпустят, поди, на несколько дней.

Толька обрадовался и с готовностью ответил:

— Отпу-устят! Всё равно скоро каникулы, а за четверть у меня одни пятёрки.

Учился Толька и вправду хорошо. Мать радовалась за сына. Учителя хвалили и ставили его в пример другим «оболтусам» из класса.

— Может, напарника какого с собой прихватишь? — спросила мать.— Дружков-то у тебя много, вдвоём веселее будет, а то и втроём. А, Натолый?

— Спрошу у ребят,— отозвался Толька,— может, кто и согласится. В школе бы отпустили, а так бы все пошли.

Но в школе никого не отпустили. И Толька решил идти один. Но однажды, на свою беду, встретил на улице непутёвого Мишку, которого все сторонились, и тот согласился быть напарником. Другого выбора не было. Мать, узнав об этом, запричитала и отговаривала не брать Мишку с собой. Не любила она его до смерти. Мишке уже исполнилось двадцать лет. Нигде не работал, болтался по деревне вечно пьяный и

изводил мать своими проделками. Баламут, одним словом. Со всем никчёмный парень оказался. Да и к охоте и тайге у него не было никакого пристрастия. Так, шмальнуть из ружья по пустым бутылкам — вот и вся его таёжная наука. Он и в тайге-то никогда не был. В общем, ни рыба ни мясо. Не рыбак и не охотник. А ведь отец у него был знатным промысловиком.

После долгих колебаний мать всё же согласилась.

— Всё не один пойдёшь. Какая-никакая, а душа рядом будет. Всё ж он тоже человек,— заключила разговор мать.

Только, согласившись, кивнул. Подгадав под выходные, новоиспечённые напарники подались в тайгу. Мороз небольшой, всего-то под тридцать градусов, и, поочерёдно топчя лыжню, они уже вечером были у деда в избушке. Устали, конечно, шутка ли — тридцать километров по целине, но ребята молодые, да и груза почти никакого не было.

У деда всё оказалось в порядке. Старый промысловик уже перевыполнил план, был в весёлом расположении духа и очень обрадовался неожиданным гостям. Два дня провели ребята у деда, помогли ему с дровами. А на третий день решили выходить обратно. Вышли с утра в тридцатиградусный мороз. Лыжня протоптана; кроме ружей и топора, который торчал у Мишки за поясом, груза никакого.

Уже ночью Толькина мать стала беспокоиться. Тем более что мороз усилился, уже перевалило за сорок. Сегодня вечером сын должен был вернуться, но его всё не было. Она побежала в дом, где жил Мишка, и застала его сидящим за столом в компании двух собутыльников. Все уже были пьяны.

— А Натолый-то мой где? — дрожащим голосом спросила перепуганная мать.

— А чё,— оборвав пьяный базар с собутыльниками, удивился двадцатилетний балбес,— р-разве он ещё не пришёл? Во даёт пацан!

Мишка криво усмехнулся и опять встрял в разговор с дружками. Тут и Мишкина мать встрепенулась.

— Говори, ирод, что у вас там стряслось?! Только-то где?! — крикнула она и схватила со стола бутылку.

Все трое алкашей сразу же притихли. Не добившись от Мишки вразумительного ответа, обе женщины, накинув

телогрейки, выскочили на улицу. Подняли деревенских мужиков, которые уже вернулись с промысла, и те, снарядившись, отправились на поиски.

На следующий день утром Тольку привезли. Замёрзшего насмерть. Соорудили из Толькиных лыж подобие нарты и приволокли в деревню. Одна из лыжин у него была сломана пополам.

А произошло вот что. Половину пути напарники прошли быстро, потом Толька стал отставать, пацан ведь, всего-то четырнадцать. Мишке это надоело, и он, двадцатилетний дурак, решил уйти вперёд, не дожидаясь напарника, при этом топор забрал с собой. Ведь дома его ждали самогон и тёплая изба. Бросить напарника в тайге — самое страшное преступление у таёжников. На беду, у Тольки сломалась лыжа, он выбился из сил да и присел под деревом. Там его и нашли деревенские мужики.

Вся деревня ополчилась на обормота Мишку. Даже собаки стали на него громче лаять и кидаться. А Толькины друзья отмузузили его в тёмном переулке. Мужики и бабы при встрече с Мишкой-уродом плевались в его сторону. Он запил по-чёрному, пытался жаловаться на судьбу своим же собутыльникам. Но и те отвернулись от него и посоветовали:

— Линяй ты, Мишаня, из этой деревни куда подальше, иначе хана!

Летом Толькин отец на вьючной лошади отвёз сваренный из железа обелиск на место гибели сына. Установил его, выпил бутылку водки, тут же её, пустую, положил рядом с памятником. Толькина поняга и зимняя шапка валялись здесь ещё с зимы. На обелиске надпись: «Здесь трагически погиб (замёрз) Ощепков Анатолий по вине напарника Михаила Бубнова».

Однажды Мишка пришёл к обелиску и соскоблил своё имя и фамилию ножом, но это ему не помогло. Уже весь огромный таёжный район знал имя человека, который преступил главный таёжный закон. К концу лета Мишка исчез. Даже его мать не знала куда.

А Толькин дед с тех пор больше не ходил на промысел. И ненадолго пережил своего любимого внука. На следующий год старого таёжника не стало.